

Александр Резник

Алексей Тихомиров. «Лучший друг немецкого народа»: культ Сталина в Восточной Германии (1945–1961 гг.). М.: РОССПЭН, 2014. 310 с. ISBN 978-5-8243-1861-6.

Александр Резник. Адрес для переписки: University of Basel, Departement Geschichte, Hirschgässlein 21, 4051 Basel, Switzerland. reznik@comparativestudies.ru.

Книга Алексея Тихомирова – результат его многолетнего диссертационного и постдокторантского исследования – была опубликована в 2014 году, но и сейчас, в год столетнего юбилея Российской революции, она актуальна и в строго академическом, и в общественно-политическом контексте. Неискушенные читатели найдут в этой книге много познавательного материала, извлеченного из 13 российских и германских архивов, а профессионалы-гуманитарии испытают особое удовольствие от умелого использования автором теоретического и методологического инструментария.

Примечательной чертой рецензируемой книги является дотошность в деле конкретизации того, о чем идет речь на ее страницах. Так, автор обозначает свой труд как «первый комплексный анализ культа Иосифа Сталина на периферии советской империи – Восточной Германии – в широком хронологическом срезе с 1945 по 1961 г.» (с. 268). Как следует из историографического обзора, в частности, «уязвимых мест существующих работ» (с. 29), историки уже обращались к этой теме, но лишь анализ Алексея Тихомирова по праву стал «первым комплексным». Автор выделяет три крупных блока, включающих различные исследовательские вопросы и тесно связанных друг с другом. Несколько упрощая, можно сказать, что автор заинтересован в детальной реконструкции контекста, условий, агентов, практик и восприятия пропаганды культа Сталина в Восточной Германии. Перечисление исследовательских вопросов занимает две страницы, набранных убористым шрифтом, но ключевой из них сформулирован следующим образом: «Как культ Сталина закреплял имперскую иерархию властных отношений, определял функционирование диктатуры и поддерживал жизнеспособность закрытых обществ?» (с. 11). Следуя цели комплексного изучения, Алексей Тихомиров положил в основание своей книги «культурную историю политического» и подходы, объединенные понятием «новой политической истории». Это не случайно, так как именно с этими понятиями связаны наиболее успешные попытки соединения социальной, культурной и политической истории (Fitzpatrick 2004; Frevert and Haupt 2005).

В первой главе обрисованы контуры «центра» и «периферии» в «империи» СССР и значение культа Сталина в советизации Восточной Германии. Для руководства последней культ вождя СССР «стал инструментом легитимации авторитарного режима власти» (с. 42). Говоря об этом режиме, автор провозглашает отказ от «нормативной теории тоталитаризма» (с. 45), предлагая увидеть разнообразие социальных практик в том, как «акторы способствовали превращению диктатуры

в форму повседневной жизни. Общество вросло в структуры власти, репродуцируя и используя их для нормализации [...] повседневности» (с. 48). В другом месте автор отдельно оговаривает, что не отрицает роли насилия в поддержании авторитарного режима. Демонстрируя масштабность системы информационно-политического контроля органов СВАГ, а затем и ГДР, Тихомиров утверждает, что «лишь благодаря паутине контроля, надзора и запретов, опутавшей все общество, режиму СЕПГ удавалось поддерживать хрупкие границы» своей власти (с. 67).

Вторая глава посвящена трансформации образа Сталина в советской оккупационной зоне с 1945 по 1949 год. Здесь автора интересуют послевоенные «миф начала» и «миф антифашизма». В Сталине персонифицировалась «мораль вины и стыда» за войну, преодолеть которую предлагалось через «ритуалы извинения, искупления вины и угрызений совести», обретение дружбы и доверия с народами СССР и ее «вождем» (с. 84). Чуть более подробно рассмотрен культ Сталина в правящей СЕПГ, обозначено его важное символическое и прагматическое использование в качестве ресурса власти. Неуклонная «ритуализация» политической жизни по «советскому» образцу сделала неизбежным огосударствление культа Сталина. Образование ГДР совпало с масштабным празднованием семидесятилетия Сталина. К этому времени, по мнению Алексея Тихомирова, можно констатировать «зачистку и оккупацию немецкой территории советскими символами власти» (с. 100). Впрочем, в той же части книги приведены примеры неудач внедрения культа. Анализ мнений о Сталине в «неофициальных публичных сферах» также выявляет напряженное и конфликтное отношение немцев к оккупационным властям.

Третья глава повторяет общее название монографии, поскольку в ней социальный контекст культа представлен в наиболее очевидной форме. Период с 1949 по 1956 год охарактеризован сложившимся «культовым сообществом», под которым автор понимает «блок социалистических государств, связанных воедино мифами, ритуалами и символами культа» (с. 132). Соответствующие дискурсивные практики были «экспортированы» из СССР в 1949 году в «ускоренном виде», подвергаясь двойному контролю – со стороны ЦК ВКП(б) и ЦК СЕПГ. Функционеры последней были ключевыми акторами идеологического трансфера, хотя автор и признает, что не существует однозначного ответа на вопрос о том, кто первым его инициировал (с. 138). В итоге «культ Сталина стал определять нормы публичного поведения и риторики, предписав Периферии говорить и действовать по-советски» (с. 133). Тихомиров обращает особое внимание на «нормативные дискурс об эмоциях уважения, благодарности, дружбы и любви», «официальный регистр эмоций», «мобилизацию чувств» и «эмоций» в контексте отношения к Сталину, но мне представляется, что эта относительно новая для историков проблематика могла быть раскрыта на большем фактическом материале. Обрывается же краткое повествование об эмоциях на рассуждениях автора о «режиме принудительного доверия» (с. 144–155), которые интересны сами по себе, но в большей степени служат приглашением ознакомиться с текущим исследованием автора, чем объясняют, как именно «эмоции превратились в центральное средство легитимации культа Сталина» (с. 145).

Учитывая важность и новизну «эмоциональной» проблематики, остается сожалеть, что ей не нашлось места в следующем параграфе, посвященном «ритуалам культа». Непропорционально большой по объему в сравнении с остальными, в концептуальном плане этот параграф занимает центральное место в книге. Здесь автор рассматривает три уровня «ритуального порядка» по Альберту Бергезену: от микроуровня личной идентичности к групповой и, в итоге, к макроуровню «общества и нации, государства и империи» (Bergesen 2006). Первый уровень проанализирован в русле подхода Игала Халфина и Йохана Хеллбека (Halfin and Hellbeck 1996), но, в отличие от основателей исследовательского направления «советской субъективности», Тихомиров рассмотрел всего один пример «работы над собой», поставив во главу угла практики государства. Последние намного проще реконструировать и объяснить: «привлечение восточногерманской молодежи к политическим инициативам режима являлось не индикатором фанатичной веры, а результатом и процессом рациональных действий», – обобщает автор свой анализ политических кампаний (с. 163). Прагматика ритуалов аргументируется автором и на примере практики установления государственного патронажа над предприятиями, что даже позволяет ему увидеть «взаимовыгодное использование культа Сталина как властью, так и обществом» (с. 165). Макроуровень ритуалов культа рассмотрен автором преимущественно на примере празднования юбилея Сталина. Большую роль играли поездки делегаций ГДР в СССР, дарения подарков вождю или изменения в топонимике. Гораздо меньше прагматики и рационализма можно обнаружить в реконструкции траура по умершему в 1953 году Сталину. Репрезентации двух «витрин социализма» – Аллеи Сталина в Берлине и Сталинштадта – также свидетельствуют о привычных механизмах индоктринации.

Четвертая и пятая главы посвящены практикам «иконоборчества» (Тихомиров использует данный термин без кавычек) и десталинизации соответственно. В концептуальном плане Тихомиров подчеркивает, что «иконоборчество» служило «коллективной эмоциональной работой», отражавшей «потребность немцев оскорблять и унижать советские символы власти, чтобы отомстить за повреждение национальной чести», а также «попытку освободиться от навязываемых победителями угрызений совести и чувства вины за военные преступления при одновременном выражении потребности в обработке травмы от советской оккупации» (с. 222–223). В этой связи неудивительно, что определенная часть немцев ностальгировала по Третьему Рейху и противопоставляла «своего» фюрера «чужому» вождю (с. 225). Однако в маленьком параграфе, посвященном этой проблеме, ощущается нехватка контекста, ибо остается непонимание, в каких случаях рецидивы национал-социализма вызваны собственно культом Сталина.

В финальной главе о десталинизации автор восстанавливает баланс с более классической историей деяний властной верхушки, потому что, как и в других странах, десталинизация в ГДР началась сверху. В отличие от СССР, этот процесс в ГДР послужил триггером критики в адрес Вальтера Ульбрихта, а затем и других вождей СЕПГ. Однако большинство партийцев предпочитали отмалчиваться. «Сбои в дискурсивном порядке диктатуры» затронули так или иначе все население. Слухи, по мнению автора, «стали мотором процесса десталинизации» (с. 246).

В ситуации растерянности властей население постепенно начало переходить к действиям, большую роль стали играть западногерманские активисты и СМИ. Наконец, восстания в Польше и особенно в Венгрии радикализировали политические настроения населения, но в то же время привели к ответной жесткой реакции СЕПГ. Укрепив свою власть, она постепенно, к 1961 году, избавилась от предметов культа Сталина, но одновременно приступила к утверждению «малых национальных культов и культа Ленина» (с. 266).

Суммируя выводы по отдельным частям работы, Тихомиров предлагает рассматривать культ Сталина в Восточной Германии как важнейший мобилизационный механизм «дисциплинарно-символической политики», служивший укреплению устойчивости авторитарного режима и социальной интеграции, «нормализации» диктатуры. При этом, как подчеркивает автор в заключении книги, "иконоборчество" подтолкнуло государственную власть к «переговорам» с населением о принципах сосуществования.

Книга представляет собой очень «плотный» текст, в котором сконцентрировано подчас чрезмерное количество тезисов, идей, требующих более подробной аргументации с опорой на исторические источники. Нередко автор прибегает к приему «одного примера», не поясняя, в чем его репрезентативность, и наоборот – часты в работе многословные повторяющиеся формулировки обобщающего толка. История ГДР до сих пор крайне плохо известна российским читателям, и в случае «лучшего друга немецкого народа» не помешало бы больше исторического контекста, больше «событийности». Вызывают вопросы источники об «иконоборчестве», так как наиболее критические из них фиксировались информаторами «Восточного бюро» Социал-демократической партии Западной Германии (с. 209). Читателю далеко не всегда может быть ясно, насколько объективны подобные свидетельства. Диссертации, защищенные в Германии, славятся своей теоретико-методологической основательностью, но это не всегда находит отражение в изданных по ним монографиях, ориентированных на более широкую аудиторию. Многочисленные глупые сноски на литературу (особенно немецкоязычную) в методологической части также не помогают делу «адаптации» (не хочу сказать: популяризации) академического исследования для более широкой публики. Можно говорить о проблеме перевода и в буквальном смысле: некоторым формулировкам очевидно недостает стилистической правки. Таковы, например: «парадигма "за тоталитаризмом"» (Geyer and Fitzpatrick 2009) (с. 17), «производители» культа (то есть «производители»), «приемы эмоционального менеджмента» (с. 78), «популярные реакции» (с. 241) и др. Некоторые термины не слишком удачны (ср. «запретные зоны культа личности» (с. 106)) или ошибочны (например: «патроно-клиентские отношения» вместо «патрон-клиентские» (Гилев 2016)).

Достоинства книги, безусловно, превосходят указанные недостатки. Вопросы, поставленные автором, будут сохранять свою актуальность, что позволяет надеяться на появление второго издания книги. Исследование Алексея Тихомирова должно войти в списки обязательной литературы для всех, кто обращается к проблеме современных политических культов, стремясь при этом выйти за рамки упрощений, свойственных изводам теории тоталитаризма, и предложить свой взгляд, способный послужить продуктивным дискуссиям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гилев, Алексей, ред. 2016. *Патрон-клиентские отношения в истории и современности: хрестоматия*. М.: Российская политическая энциклопедия.
- Bergesen, Albert. 2003. "Die rituelle Ordnung." Pp. 49–76 in *Ritualtheorien: En einführendes Handbuch*. Wiesbaden, Germany: Westdeutscher Verlag.
- Fitzpatrick, Sheila. 2004. "Politics as Practice: Thoughts on a New Soviet Political History." *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History* 5(1):27–54.
- Frevert, Ute, and Heinz-Gerhard Haupt, eds. 2005. *Neue Politikgeschichte: Perspektiven einer historischen Politikforschung*. Frankfurt am Main: Campus Verlag.
- Geyer, Michael, and Sheila Fitzpatrick. 2009. *Beyond Totalitarianism: Stalinism and Nazism Compared*. New York: Cambridge University Press.
- Halfin, Igal, and Jochen Hellbeck. 1996. "Rethinking the Stalinist Subject: Stephen Kotkin's *Magnetic Mountain* and the State of Soviet Historical Studies." *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas* (44)3:456–463.